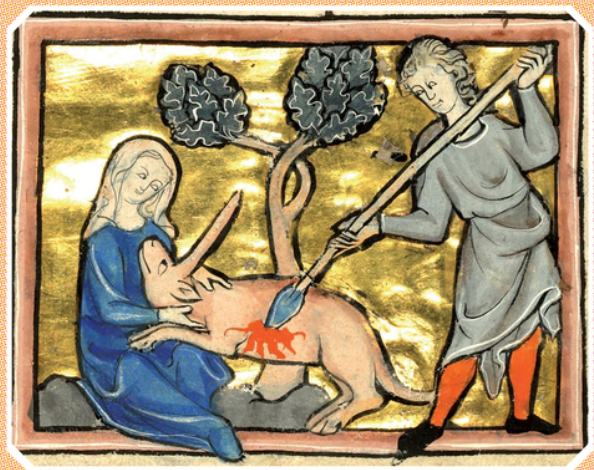


Π РОСТРАНСТВО
ЕРЕВОДА

БЕСТИАРИЙ ЛЮБВИ В СТИХАХ



Перевод
ПАВЛА РЫЖАКОВА

Анонимный автор
Бестиарий любви в стихах
Серия «Пространство перевода»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9009569

*Бестиарий любви в стихах, сочиненный автором, который предпочел
остаться безымянным: Водолей; М.; 2015
ISBN 978-5-91763-240-7*

Аннотация

Анонимная поэма XIII века «Бестиарий любви в стихах» представляет собой своего рода рассуждение о природе любви; в ней материал средневековых бестиариев переосмысливается в куртуазном ключе. В отличие от своего предшественника, «Бестиария любви» Ришара де Фурниваля, поэма не ограничивается пародией, но содержит также и выраженный лирический элемент. Ни на один из современных языков поэма ранее не переводилась. Предлагаемый перевод ставит своей целью познакомить русского читателя с этим своеобразным памятником средневековой литературы.

На обложке:

Охотник убивает единорога. Рукопись музея Гетти в Лос-Анджелесе (MS. Ludwig XV 4, fol.85v.)

Содержание

Бестиарий любви в стихах сочиненный автором,	5
который предпочел остаться безымянным	
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Павел Рыжаков

**Бестиарий любви в стихах,
сочиненный автором,
который предпочел
остаться безымянным**

© П. Рыжаков, перевод, послесловие, 2015

© Издательство «Водолей», оформление, 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Бестиарий любви в стихах сочиненный автором, который предпочел остаться безымянным

Любовь, а я ведь ей служу
И клятву верности принес,
Велит приняться мне за труд —
И за работу я возьмусь,
Как всяк, кто целиком Любви
Принадлежит, и потому
Во всем ей должен угождать.
Ужель меня не тяготит
Себя во власть Любви отдав,
Ее приказы выполнять?
Ничуть! С готовностью вручу
Я сердце, тело, разум свой
Любви, чтобы служили ей,
Оставив прочие дела —
Ничуть об этом не тужу!
Так пусть поможет мне Господь,
Работу эту довести
Благополучно до конца,
Пусть от дурного охранит,
От всех изъянов, от греха,
Чтоб Зависти не удалось

(А ведь ее снедает злость,
Едва изысканную речь
Услышит) труд мой очернить.
А милость будет мне дана —
Господь всегда благоволит
Тому, что может угодить
Наипрекраснейшей из дам,
Которой равных в мире нет.
Как роза алая одна
Всех краше остальных цветов,
Так и она всех дам других
Своей красою превзошла.
То Госпожа моя и друг,
Я для нее пишу стихи,
Что Бестиарием Любви
Вполне законно назову —
Здесь о зверях пойдет рассказ
И о любви в такой связи,
В которой может быть любовь
С повадкой и природой их.

Всем любо знаньем обладать,
Но все не может знать никто.
А по-отдельности познать
Вполне любую можно вещь.
Случается обычно так:
То, что известно одному,
Другому вовсе невдомек —

Бывает и наоборот.
Выходит, каждому дано
Частями Знания обладать,
Тогда как Знание вообще —
Есть совокупность тех частей.
Однако всем существовать
Одновременно не дано —
Ведь может умереть один,
Покуда не рожден другой.
И то что знали те, чей путь
На этом свете завершен,
Живущим ныне не постичь
Своим рассудком нипочем.
И нам бы этого не знать,
Когда бы опыт прошлых дней,
Переходя из уст в уста,
Или записанный в стихах,
От древних не дошел до нас.
И вот Господь, нас возлюбив
Превыше тварей остальных,
Особым свойством наделил,
Чудесным качеством ума.
Мы можем с помощью него,
В сознании вызвав, познавать
События прошлого точь-в-точь,
Как те, что в настоящем есть.
Тот дар, что Бог нам даровал
Зовется Памятью. И в ней
Есть двери — Зрение и Слух,

И к каждой свой особый ход.
Вот имена тех двух ходов:
Мы Описаньем назовем
Один из них. Тогда второй
Мы Очертаньем будем звать.
Кто знает эти два пути,
В кладовку памяти пройдет,
И в этой сможет кладовой
Немало знаний приобрести,
Поскольку Память там хранит
И сторожит огромный клад,
Что опыт собирал людской
На протяжении веков.
И на сокровища взглянув,
Что в помещеньи том лежат,
Воображеньем может ум
Увиденное взять с собой,
И вот уж прошлое пред ним,
Как настоящее совсем,
И путь к познанию открыт
Давным-давно минувших дел.
Пора настала привести
Примеры, чтобы прояснить
Ходов значенье и дверей.

Героев подвиги когда
Мы на картине древней зрим
(А это Очертанья путь),

Нам представляются они
Происходящими теперь.
И с Описаньем точно так:
Когда мы слушаем роман,
То приключенья словно бы
Пред взором нашим предстают —
Так, через Зрение и Слух
Былое постигаем мы,
Выходит верно называть
Те чувства Памяти дверьми.

О, сладостная Госпожа,
В ком благодать и краса слились,
Вы искру бросив в сердце мне
Такой там развели огонь,
Что от ожогов до сих пор
Я исцелиться не могу:
Еще не появился шрам,
Чтоб раны эти затянуть.
Так пусть поможет мне Господь
Жить в Вашей памяти, как Вы
Живете в памяти моей!
И чтоб способствовать тому
Сей Бестиарий Вам пошлю.
Пускай послужит этот труд
Напоминаям обо мне,
Коль сам я буду далеко.
А впрочем, вспомнить обо мне

Придется Вам – пусть лишь затем,
Чтоб имя выяснить свое,
А как – сейчас я расскажу.
Коль букву первую возьмем
От имени и смысл его
В ту букву вложим и потом
Ее используем вот так,
То буква, называя Вас,
О сердце сладкое, могла б
Мое прозвание раскрыть —
Вот потому-то для меня
Прозванье имени милей!
Но ведь и в имени моем
Есть с Вами сладостная связь:
Та буква, что стоит в конце
Того, чем величают Вас,
Могла бы называть меня.
Вот так укрыт я с двух сторон
И в Вашем имени таюсь:
Прозванье в первой букве есть,
А имя спрятано в конце.
Да, имя Ваше чтоб постичь,
Придется с моего начать.
А чтобы разгадать, кто я,
Прозванье Ваше нужно знать.
Затее этой очень рад,
Но был бы счастлив, если б Вам
Угодно было, чтоб сердца
Такую же имели связь,

Какую наши имена,
И жить могли одно в другом,
А по-другому не могли.
То было б слаще всех услад!

Итак, я отправляю Вам
Труд, что для Вас я сочинил.
И вот, что Вы найдете в нем:
Во-первых Описание здесь,
Что и понятно, ведь письмо
Осуществляется затем,
Чтоб Описание передать
Тому, кто с чтением знаком.
А во-вторых, никак нельзя
Без Очертанья обойтись.
Ведь буквам чтоб существовать
Начертанными нужно быть.
К тому же этот текст снабжен
Изображеньями зверей
И птиц, о коих речь пойдет —
Так будет легче их узнать.
Немало я потратил сил
На этот труд, и никогда
Подобного не повторю —
Сложнейшим был его предмет.
И я сомненьем был томим,
Что не под силу одному
Работу эту завершить,

Пуškai искусен я весьма.
Нет, никогда бы не нашел
В себе я смелости начать
Работу сложности такой,
Когда бы не был принужден.
– Что? Силой принужден? – Да-да.
Был силой принужден Любви,
Кому служу и день, и ночь;
Ее приказ я выполнял.
И потому я всех прошу,
Кто будет эту вещь читать,
Не осуждать меня за то,
Что взял столь сложный я предмет.
Ведь не Гордыней был ведом —
Любови силой к Госпоже,
Которая средь прочих дам
Как бы цветок иль адамант.
Во славу, в честь ее одной,
Задуман Бестиарий мой,
Что нам во многом прояснит
Хитросплетения любви:
Откуда сила у Любви,
И почему выходит так,
Что изводим влюбленный тот,
Любовь которого чиста.
Потом нам предстоит узнать
О ремесле коварном лжи,
Что существует для того,
Чтоб мучить тех, кто сердцем чист.

И наконец, узнает тот,
Кто Бестиарий сей прочтет,
Что может принести Любовь
Мученья страшные и боль —
Как то со мной произошло.

Теперь, вступление завершив,
За изложение возьмусь
Предмета, избранного мной
И к Описанию перейду.
Материя приятна мне,
Не терпится ее начать,
Хотя, признаться вам, смущен
Был я природой Соловья.
Когда приходит месяц май
И ветви зелены полны,
Он так старательно поет
И столь красив его мотив,
Что песней упоен своей,
Он умирает средь ветвей,
Все силы пению отдав
И обо всем другом забыв.
Да, смерть его меня страшит,
Ведь сочиненью моему
Себя отдал я целиком.
К тому же раньше никогда
Не приходилось так легко
И без запинки сочинять —

Немудрено, что страшно мне.

Еще один недобрый знак
В природе Лебедя явлен:
Он пеньем дивной красоты
Свою обозначает смерть.
Настолько глас его красив,
Что даже арфы нежной звук,
Иль плач виолы полной чувств,
Иль даже сам псалтерион
Его не смогут превзойти.
Ничто так не ласкает слух,
Как голос Лебедя, едва
Свою он песню запое! —
Но эту сладостную песнь
Заводит Лебедь лишь тогда,
Когда подходит жизнь его
К концу. Причина песни — Смерть.
И тот, кто слышит тот напев,
Так рассуждает: скоро Смерть
За этим Лебедем придет.
Но как прекрасна песнь его!
Теперь понятно, почему
Я Лебедем испуган был —
Боюсь я, как бы не принес
Мне этот труд большой беды:
Поскольку раньше никогда
Я так красиво не слагал,

И никогда не повторяю
Стихов подобной красоты.
Да, будет чудом из чудес,
Если удастся довести
Мне сочиненье до конца,
Уже немало чуда в том,
Что я сумел его начать:
Слагать изысканную речь
И в этом сладость находить
Не приспособлен человек
Что голосом совсем охрип.

Как, я охрип? – Да! – Почему?
Ужель я Волка повстречал?
Природа Волка такова,
Что если первым человек
Его увидит, тотчас зверь
Робеет, злобу потеряв.
Но если же наоборот,
Увидит человека Волк
Не будучи замечен сам,
Теряет голос человек.
И свойство это же в любви
Мужчины с женщиной найдем —
В природе женской Волк живет!
Ведь если дамой первый шаг
Предпринят будет, и любовь
Она раскроет – вмиг тогда

Свою теряет дама власть
И смелость, и уже ни в чем
Не в силах будет отказать
Мужчине, что ее «узрел»,
О страсти от нее узнав.
Но если вдруг себе назло
Мужчина первым о любви
Заговорит – утратит он
Умение требовать того,
На что он по правам Любви
Вполне бы мог претендовать.
И голос пропадать начнет,
Потом осипнет он совсем.
Тот Волк, что первым разглядел
Меня – понятно, кто такой.
То Дама, коей посвящен
Весь этот труд. Увы, она
Узнала первой про любовь
Мою. Не удержался я,
И не разведав ничего
О чувствах Госпожи моей,
Я обратился к ней с мольбой
И даровать просил любовь.
Так, первым я увиден был,
А разглядеть ее не смог.
Тут начал «голос» пропадать,
(Что есть способность проявить
Настойчивость, прося любви).
И робким стал я рядом с ней.

Вот потому я так боюсь —
Что не удастся мне достичь
Заветной цели никогда.
О, горе! Сколько горьких слез!

Одна лишь утешает мысль,
Что нет на свете ничего,
С чем справиться не может тот,
Кто к трудностям любим готов.
Да, хоть владею ремеслом,
Придется сильно пострадать
Чтоб предприятие удалось,
Но не могу я отступить.
Так что заставило меня,
Страдая, все же продолжать?
Отчаянье – Но как? – Ответ
Лежит в природе Петуха.
К заре ли, к сумеркам поет
Петух свою ночную песнь,
Он часто голос подает,
Хотя при этом голос слаб.
К полуночи – наоборот:
Поет он реже, но зато
В песнь больше вкладывает сил
И громче делается звук.
Так вот, извольте, я теперь,
(Ох, как я все-таки охрип!)
Совсем надежду потеряв

На благосклонность и любовь,
Отчаяньем был принужден
Продолжить тщания мои
И громко петь, хоть нету сил —
Ведь из-за Волка голос слаб.
Тот час, в который День и Ночь
Смешались – знак такой Любви
Где хоть Отчаянье живет,
Но все же есть Надежды свет.
А час, в себе несущий тьму
(Мы Полночью его зовем) —
Любви отчаявшейся знак,
В нем упованью места нет.
И так как больше в Петухе
Отчаянья, а не надежд,
То голос у него сильнее,
В полночный безнадежный час.

Что у отчаявшихся глас
Намного громче и сильнее,
Чем голос тех, кто получил
На снисхождение намеков,
Понять несложно, рассмотрев
Природу зверя одного,
Что отвратительно кричит —
Зовется Диким он Ослом.
Когда не может сей Осел
Найти ни сена, ни травы,

И смерть голодная близка,
То страха и страдания полн,
Он начинает дико ржать.
Настолько этот звук силен,
Что разрывает он Осла.
О, как же страшен этот крик!
Но всем известно, что вопить
Не будет Дикий тот Осел,
Покуда, голодом томим,
Он не отчаётся вообще.
Итак, Отчаянью дано
Великой силой обладать —
Что ж странного, что им ведѡм,
Я милости добиться тщусь
От той, кем мучим я в тюрьме?
Она на помощь не придет.
Да и услышат ли меня?
Ведь Волк мой голос отобрал.

Не стоит изумляться вам,
Что даму с Волком я сравнил:
Ведь много есть у Волка свойств,
Что сходство это подтвердят.
К примеру, только головой
Не в силах обернуться Волк:
Столь жесткий у него хребет —
Все тело должен развернуть.
Второе свойство таково:

Волк не охотится вблизи
От логова, но вдалеке —
Лишь там ему к охоте страсть.
Теперь последнее из свойств,
По счету третье, что роднит
Волчих и некоторых дам:
В овчарню, свой скрывая шаг,
Бесшумно проникает Волк.
Но если вдруг какой сучок
Ему под лапу попадет
И хрустнет – бешенством объят,
Жестоко лапу Волк казнит,
Ее кусает и грызет,
За неудачу мстя свою.
Три свойства эти есть у дам,
И проявляются в любви,
Что вам сейчас я докажу,
Все по порядку разобрав.
Не в силах дама подарить
Лишь сердце, не отдавшись вся:
Как не умеет повернуть
Волчиха шею, так она
Не может сердце разделить,
Одновременно полюбив,
Влюбленных двух, не обманув
Из двух хотя бы одного.
То с первым свойством связь была,
Теперь второе разберем.
Коль дама сердце отдает

Мужчине, что приятен ей,
Сильнее в ней любовь горит,
Коль от него она вдали —
Так и Волчиха, алчет жертв,
Лишь прочь от логова уйдя.
А вот и с третьим свойством связь:
Коль дама слово обронит
Иль даст нечаянный намек,
Что обнажит ее любовь,
Себя тотчас она казнит
И мстит своей любви словам:
Их разом в шутку обратит,
Иль так сумеет повернуть,
Чтоб все пригладив и замаяв,
Опять любовь свою сокрыть.
Потом старается тайком,
Искусно речь свою ведя,
И все как будто невзначай,
Узнать, любима ли она.
И если дама разглядит,
Что есть любовь в мужчине к ней,
То будет сразу низведен
Тот пылкий муж к ее ногам,
И непременно свысока
Она с ним будет ворковать.
А безразличье увидав,
Она становится мила,
И всячески благоволит
Тому, кто равнодушен к ней.

С ним будет, сладости полна,
Приятнейшую речь вести,
Во всем стараясь угодить,
Пред ним как будто трепеща.

Теперь уместно рассказать
О свойстве Выверовых Змей:
Когда случится повстречать
Мужчину Вывере-Змее
И тот мужчина будет наг,
Змея не трогает его,
И даже уползает прочь,
Как будто наготы страшась.
Но если будет он одет,
За ним вослед она ползет,
Затем, чтобы догнав, напасть,
И умертвив его, сожрать.
Вот так же дама – вся мила,
Так искренна и так скромна
В общении с тем, в ком нет любви,
И даму страх пред ним берет.
Того же, кто в нее влюблен,
Она преследует всегда,
Его настигнет словом злым
И «съест» способность говорить.
Напоминает наготу
Любви неясность первых встреч,
А подтвержденная любовь —

Одежд подобие и пут:
Родившийся ребенок гол,
А взрослый человек одет.
Тому подобно не «прикрыт»
Мужчина в пору первых встреч.
А после, в чувствах утвердась,
Он вдруг становится одет:
Опутан и закутан он
В любви опаснейшую сеть.
И точно Вывера-Змея
Того, кто гол не устрасит,
Чужда любовная боязнь
Свободному от пут Любви.
Того ж, кто в сеть Любви попал,
Всегда окутывает страх,
(Как перед Выверой дрожит
Тот, кто одеждою прикрыт).
Он не решается раскрыть
Своей любви заветных дум,
Боится даму рассердить,
Ей неприятное сказав —
Вот так он попадает в плен,
Словно Мартышка в сапогах.

У Обезьяны грустный нрав
И очень бестия умна,
При этом склонность в ней живет
Гримасы строить и шалить,

Но есть еще одна черта,
Что качеств остальных важней:
Сильна у Обезьяны страсть
Увиденному подражать.
Вот это свойство Обезьян
И позволяет их ловить,
А по-другому не поймать
(Ведь эта тварь как будто бес).
Охотник, место разыскав,
Где эта бестия живет
У Обезьяны на виду
Свои снимает сапоги.
И Обезьяна, увидав,
Что вытворяют перед ней
Желает это повторить,
Но подойти – не подойдет,
А за охотником следит.
Тогда охотник достает
Те башмаки, что он стачал,
Чтоб в пору ей они пришлись.
Оставив их, он отойдет
И спрячется невдалеке.
Тут нетерпенье верх берет,
И Обезьяна, осмелев,
Не медля боле, к башмакам
Подпрыгнет и обует их.
Но не успеет обувь снять —
А глядь – охотник тут как тут.
За нею быстро он бежит,

А Обезьяне не удрать,
Ведь ей на дерево не влезть,
Поскольку ноги в башмаках.
Вот так, используя обман,
Охотник ловит Обезьян.
Отсюда можно заключить,
Что необутым и нагим
Подобны те, в ком нет любви.
Одетым же подобны те,
Кто сердце даме подарил.

Как человеку не грозят,
Пока на нем одежды нет,
Нападки Выверы-Змеи,
Любовь не причиняет зла
Тому, кто ею не «одет».
И Обезьяне не страшны
Ловцы, пока она босá
Я с этим хорошо знаком,
Ведь не боялся я любви,
Пока не знал ее «одежд»,
И сердцем не попал в острог.
Так вот, до этих самых пор
(Когда Вам сердце я открыл)
Вас, сладость сердца моего,
Я не страшился, да и Вы,
Высокомерья лишены,
Дарили обществом своим.

Был не презрителен Ваш взгляд,
Напротив – нежность источал,
Любезны, сладости полны,
Вы речь прелестную вели.
Увы, тому пришел конец,
Когда оделся я в Любовь.
Теперь, в любовных тенетах,
Боюсь о чувствах говорить.
Хоть не дает любовь молчать,
Столь велика Амора власть,
Что я, как раб, его страшусь.
Ведь помня Выверы пример,
Я весь отчаяньем объят
Из-за жестокости манер
По отношению к тому,
Кто с ног до головы «одет»:
Смертельным может быть укус,
И я подобия боюсь —
А вдруг, укутанный в любовь,
Я, Вашей яростью сражен,
Погибну смертью полной мук?
Не то ль готовит мне Амор?

Вот, правда, в голову пришла
Мысль, уменьшающая страх:
Вы, сладость сердца, столь мудры,
Столь обходительны, добры,
Великодушны и чисты —

Что с Выверой пример негож,
Скорее Ворон подойдет.

Покуда Ворона птенцы
Не оперятся, цвет их тел
Почти что белый – Ворон в них
Своих детей не признает.
На них он вовсе не глядит,
И не приносит им поесть —
Им пить приходится росу,
Другой же пищи не достать.
Но стоит перьям нарасти
И черным белый цвет прикрыть,
Как Ворон вмиг опознает
Своих птенцов и корм несет.
С тех пор, как любящий отец,
Во всем заботится о них.
В согласьи с этим должен был
Я досыта накормлен быть
Любовью Вашей, ведь одет
Я лишь в нее, и тех одежд,
Вам предан сердцем, не снимал.
Недаром я любовный герб
Ношу – на нем сияет цвет,
Что Вам одной принадлежит.
Да, право, следовало б Вам
Со мной, влюбленным, поступать,
Как Ворон, что любовь дарит,

А не Змея, что смерть несет.
Но, правда, есть еще одна
Черта у Ворона. Теперь
Пришла пора о ней сказать,
Ведь в ней с Любовью связь видна.

Когда находит Ворон труп,
И хочет он поестъ мозгов,
Сперва он выключает глаза,
Чтоб сквозь отверстия потом
Мозг легче было вынимать.
Заметим кратко наперед:
Чем больше в голове мозгов,
Тем больше Ворон их склюет.
В Любви подобное найдем:
Ведь в пору самых первых встреч
Любовь использует глаза,
Мужчиной чтобы завладеть.
Ведь если бы он не смотрел,
На ту, что выбрала Любовь
Своей приманкой, он бы смог,
Ловушки избежав, спастись.
Здесь, между прочим, связь видна
Еще со Львом, Царем Зверей:

Коль вдруг прохожий человек
Увидит Льва, что жертву жрет

И Лев увидит лик его,
Вселяется внезапный страх
Во Льва к прохожему тому.
Ведь человек несет печать
Господства, ибо сотворен
В подобьи с тем, кто Властелин
И Мира нашего Творец —
Вот потому и взгляд, и лик
Прохожего пугают Льва.
Но Лев необычайно храбр,
И от стыда за этот страх
Бывает бешенством объят.
И вот, позор желая смыть,
Лев раздирает на куски
Того, кем он увиден был.
А ведь не будет нападать,
Коль проходящий человек
На Льва того не поглядит.
Вот так глаза приносят смерть:
Кто глянет — съеден будет Львом.

Так поступает и Любовь,
Что нападает на мужей,
Когда на даму бросят взгляд —
Ведь дамы красота как раз
И заставляет полюбить.
А что же Ворон? Тот пример,
Где про глаза и про мозги?

Что соответствует в Любви?
Сначала нужно пояснить,
Что «мозг» обозначает «ум»:
Как в сердце жизни дух живет,
Дающий нам движенья дар,
А в печени сидит тепло,
Что нас питает и хранит,
Так, ум находится в мозгу,
Господь свидетель – я не лгу!
Вот потому-то о глупце
Обычно люди говорят,
Что человек такой «безмозгл».
Теперь понятно, что Любовь,
Точь-в-точь, как Ворон, сквозь глаза
Проникнув, вынимает ум
И разуменье у людей:
Покуда смотрит человек
На прелесть, красоту лица
Прекрасной дамы, что Любовь
Приманкой выбрала своей,
Ему на помощь не придут
Ни ум, ни знания. Увы
Чем больше у него ума,
Тем больше отберет Любовь,
Ведь хорошо известно всем,
Что в мудреце любовный пыл
Силен бывает, как ни в ком.
Тому примеры: Соломон,
Пиит Вергилий, Гиппократ

И даже тот, кто всех мудрей —
Сам Аристотель Стагирит.
Мудрец, во власть Любви попав,
Вмиг превращается в глупца.
Рассудок, сила, храбрость, ум —
И вместе им не одолеть
Любви. Ведь ни Самсон Силач,
Ни Ахиллес, ни Геркулес —
Никто не смог с ней совладать.

Я вовсе не хочу сказать,
Что даму полюбить нельзя,
Ее не повидав сперва.
Одна лишь добрая молва
Способна в сердце пыл вселить.
Но недостаток зренья здесь
Слух возмещает, набросав
Воображаемый портрет.
А если Зренье подтвердит
То, что слышал первым Слух,
Любви захлопнется капкан,
И уж тогда не убежать.
Неправда ли, теперь ясней
Подобье Ворона Любви.
А если так – то дамы долг
Всегда, как Ворон поступать:
Влюбленного в нее любить —
Того, кто носит герб и цвет

Ее одной, забыв других,
И потому я ожидал,
Что благосклонность обрету
И милость Вашу, рассказав
О чувствах нежных к Вам одной.
Ужель я мог предположить,
Что дама, сердцем всех добрей,
Для подражания изберет
Примером Выверу-Змею?

О нет Не гневайтесь! Прошу!
Не жальте, заклинаю Вас,
А лучше сжальтесь надо мной!
Мне милость Ваша так нужна...
Немало есть прекрасных дам,
Что благосклонны и милы
С мужчинами, что любят их.
Но все же больше дам других —
Что злы, жестоки и резки
Высокомерия полны
И преданность не ставят в грош.
Вот эти – Вывере-Змее
Подобны, ибо им милей
Мужи «нагие», то есть те,
Кто к ним любовью не «одет».
А тем, кто предан сердцем им
Они жестокий шлют отказ,
Совсем как будто Горностай —

Его природа такова:
Сквозь ухо может он зачать
А вот рожает – через рот.
Средь дам подобное найдем:
Едва любовную мольбу
Мужчина к даме обратит,
Она как будто бы зачнет
От речи и любовных слов,
В нее проникших через Слух,
И в скором времени родит
Отказ жестокий через рот
И быстро перейдет к другим
Делам, как будто бы забыв,
Что человек влюбленный ждет
Лишь разговоров о любви.
Здесь снова с Горностаем связь —
Не оставляет Горностай
Своих детенышей лежать,
В том месте, где он их родил.
Страшась, что отберут детей,
Их носит всюду он с собой.
Вот эта самая черта
Мне сильно душу берedit
И нарушает мой покой —
Боюсь, что попросив любви,
Ответа я не получу —
Вы выберете путь другой:
Решите разговор сменить
И запретите говорить

О том, что мне всего милей,
И не желая распознать
Меня томящую болезнь,
Не захотите подарить
И взглядом. Ну, а если так,
Мне смерти злой не избежать,
Как тем больным, кому в лицо
Не хочет посмотреть Каландр
(Ведь люди говорят тогда,
Что дни больного сочтены).

Каландр – птица, что красой
И благородством выше всех.
Способность птице той дана,
Предвиденья чудесный дар:
По знаку, что Каландр дает,
Недугом мучимый больной
Узнать способен, что грядет:
Выздоровление или смерть.
Коль птица прямо поглядит
В лицо больному, тот больной
Поправится и будет жить
Немало лет, но коль Каландр
Вдруг отвернется и смотреть
В лицо не станет – это знак
Того, что смерть уже близка.
Подобно этому, исход
Моей болезни предрешить

Способны Вы, мой милый друг,
Вы, сердца сладость, радость ок,
Лишь Вы. Вам стоит пожелать
Меня увидеть и свою
Мне благосклонность подарить,
И тотчас пропадет недуг.
Но если милосердный взгляд
Вы отвернете от меня,
То это будет означать:
Кончины мне не избежать —
Я от отчаянья умру.

Раз невозможно, умерев,
Поправиться и вновь ожить,
Как выздороветь мне в любви,
Где даже и надежды нет
На благосклонный Ваш ответ?
Что ж, коли смерть я обрету,
На Вас окажется вина,
А Вы, причиной смерти став,
Сирене будете равны,
Что сон наводит на людей
Красивым пением своим
Затем, чтоб их во сне убить.

Всего Сирен три рода есть:
Из них Сирены двух родов —

Как женщина (вверх от пупка),
А к низу – тело, как у рыб.
В последнем же роду Сирен
Мы дам и птиц найдем черты:
Укрыта слоєм перьев грудь,
При этом формой – как у дам.
И есть у всех Сирен талант —
Отменней нету музыкантш:
Одни играют на трубе,
Другие арфу теребят,
А третьим – женский голос дан
Прекрасный. Музыка Сирен
Столь сладостна и так красив
Мотив, что всякий человек
Его услышав, поспешит
К Сиренам ближе подойти,
Поскольку музыка Сирен
Столь сладостна и хороша,
Такого человека нет,
Что это пенье услышав,
Тотчас же к ним не поспешит.
А к ним приблизясь, он уснет
(Такой у песни той эффект),
Но не проснется он живым:
Сирены, спящего найдя,
Его безжалостно убьют.
Да, велика Сирен вина,
Ведь спящего убить грешно!
Но и мужчина виноват —

Он сам навстречу смерти шел.
Вот так же, в злой моей судьбе
Виновных двое: Вы и я.
Но, право, вовсе не хочу
Я Вас, друг милый, обвинять,
Вот потому-то всю вину
Взять на себя я предпочту:
Итак, теперь я говорю,
Что сам себя я и убил
Да, хоть пропал я целиком,
Когда впервые услышал
Пленительную Вашу речь,
Я мог до этого спастись,
Когда бы был настороже,
И поступал, как Аспид-Змей,
Что днем и ночью стережет
Под дивным деревом бальзам.

Зловонен крайне Змея дух,
Его дыханье – дым и смрад,
И потому украсть бальзам
Никак нельзя, куда пасть
Он не закроет, задремав.
Хитрец, желая взять бальзам,
На Змея должен сон на гнать
Мотив на арфе наиграв.
Но Змей догадлив и смышлен —
Едва услышит арфы звон

Сейчас же уши он заткнет,
Чтоб не успел проникнуть звук:
В одно он ухо грязь набьет
В другое ухо сунет хвост —
И от напева он спасен,
Не удалось навеять сон.
Да, будь я мудр, как этот Змей,
То не позволил бы себя,
При первой встрече усыпить,
Во дрему сладкую вогнав.
Но осторожность позабыв,
Дал на себя навеять сон
Напеву сладкому Сирен,
Что значит: слухам о красе
И сладости Ваших манер.
И вот теперь, пока я сплю,
Да сохранит меня Господь,
И пусть меня минует рок:
Не растерзали бы меня,
Сирены, певшие сперва.

Да странно ль, что я был пленен,
Когда услышал Вашу речь?
К тому я подготовлен был
Глазами, ибо увидав
Ваш стройный стан, красу лица,
Прекрасных локонов поток,
Я весь в волнение пришел.

Но даже если б красоты
В Вас было меньше, все равно
Я в плен попал бы, услышав
Как славно говорите Вы —
Что может сладостнее быть?
Известно, Голос наделен
Особой властью. Это так —
Ведь позволяет позабыть
О многих недостатках он.
Да взять хотя бы и Дрозда:
Претвратителен на вид,
Да и поет за целый год
Всего два месяца. И все ж
Все предпочтенье отдают
Дрозду, про птиц других забыв,
И держат в клетках у себя.
А вам известно, почему?
Все дело в том, что Дрозд поет
На удивленье хорошо —
Так птице ни одной не спеть.
Да, в Голосе сокрыта власть —
Он превосходство может дать.
В нем свойства есть и поважней:
Его Природа избрала,
Всему другому предпочтя,
Чтоб в тварях возмещать живых
Изъян, что всех других страшней.
Известно, существам живым
Пять чувств естественных даны:

Слух, Обонянье, Зрение, Вкус
А так же Осязання дар.
И если будет лишена
Тварь одного из этих свойств
Природа в ней, по мере сил,
Другое чувство подберет,
Чтоб скомпенсировать изъян.
Так зрение лучшее дано
Тому, кто абсолютно глух.
Тому же, кто рожден слепым,
Подарен превосходный слух.
Всегда Природа подберет,
Чем скомпенсировать ущерб
В согласи с тем, каков изъян
И выбор непременно мудр.

Среди тех чувств, что я назвал
Способность видеть – всех нужней,
Ведь зрение – главный инструмент
Познания любых вещей.
Так вот, Природой голос взят,
Чтобы незрячим помогать.
И это можно уяснить,
К примеру, рассмотрев Крота.

Крот от рождения слепой,
Но слух его настолько остр,

Что незаметно подойти
К нему нельзя – почует он.
Крот замечает сей же миг
Все то, что производит звук
Или же голос подает —
Так, голос служит для того,
Затем, чтоб помогать слепым,
А слух острейший дан Кроту,
Чтоб всякий звук воспринимать.
Крот – первый из пяти зверей,
Что превосходят всех других
В одном из чувств: и этот дар
Им был самой Природой дан!
Итак, Крот слышит лучше всех,
А видит лучше прочих Рысь,
Настолько острый дан ей взгляд —
Сквозь стены может проходить.
У Обезьяны развит Вкус —
Любую пряность различит,
А в Осязании превзошел
Всех прочих тварей зверь Паук.
Но в Обонянии зато
Стервятника не превзойти:
На расстоянии трех дней
Полета чует падаль он.
Но мы вернемся все ж к Кроту,
Ведь в нем еще одна черта
Весьма особенная есть.
(Немного есть других зверей

Что обладают той чертой.)
Крота питание состоит
Из элемента одного,
Лишь одного! А в мире их
Всего четыре: то Земля,
Вода и Воздух, и Огонь
Что полыхает в глубине.
Почти всех тварей рацион —
Из элементов этих смесь.
И все ж четыре зверя есть,
Что потребляют лишь один
И только чистый элемент.
Вот эти твари: первый – Крот,
Второй – Кулик, а третья – Сельдь,
И наконец, престранный зверь,
Что Саламандрою зовут.
Так, Крот питается землей,
Селедка – только лишь водой,
И воздухом одним – Кулик,
А Саламандра жрет огонь,
И там, в огне же, и живет.
(Различье с Ящерицей есть —
Та не питается огнем.)
Итак, открыли мы в Кроте
Немало интересных свойств,
Что показать нам помогли
Ту власть, что Голосу дана,
Но есть тому еще пример.
Что Голос был Природой взят,

Чтоб помогать тому, кто слеп
Чудесно, но куда чудней
Способность голоса служить
Подменой и самим ушам,
И даже превзойти глаза.

В зоологических трудах
Мне приходилось много раз
Читать, что нет ушей у Пчел,
Зато настолько хорошо
Дано им голосом владеть,
Что незаметен их изъян —
Да, Голосу все по плечу,
Нет в нашем мире ничего,
Что с ним сравниться бы могло!
Когда роенья настает
Пора, и покидает рой
Свой улей, чтоб на ветку сесть
И весь порядок соблюсти
И никого не растерять,
Все Пчелы выпускают свист,
Звения, как бронзовый рожок —
Роем звук руководит!
Так разве Голос не могуч,
Раз Пчелы, хоть они глухи,
Умеют голосом своим
Такой порядок поддержать?
Но это — далеко не все:

Еще власть Голосу дана
Душевный изменять настрой:
О том в былые времена
Прекрасно знали – потому
Умели песню подобрать
По случаю. Вот например:
Одни на свадьбе петь под стать,
Другие – на похоронах,
А третьи лучше подойдут
Чтоб Всеблагого прославлять.
Те песни, что на свадьбу шли
Умели счастьем напитать:
Столь радостен был их мотив,
Что всякий, кто ему внимал
Свои печали забывал
И был веселием объят.
Напротив, траурный напев
Такую навевал тоску,
Что даже тот, кто сердцем черств
Не мог рыданий удержать.
А Бога прославлявший гимн
(Что пели в основном в церквах)
Успокоение дарил:
Огонь веселья угасал,
Но уходила и печаль.
Не хлещет радость через край,
Не раздрает душу грусть —
Все равновесье да покой.

А если Голос так силен
И всемогущ, то чудо ли,
Что сразу в плен я угодил,
Когда услышал голос тот?
А он не просто был хорош
(У многих женщин голос мил) —
Он был, как сладости сосуд,
И добродетелью дышал,
Ведь голос тот принадлежал
Наисладчайшей среди дам.
Недаром, именно в тот день,
Что огорчение ей принес
(Та мука столь была сильна,
Что ей ни прежде, ни потом
Не приходилось так страдать)
Да, в этот невеселый день
Она меня вдруг назвала
Так, как я только лишь мечтал.
И показалась мне она
(Пусть безыскусен здесь мой слог,
Но лучше слов не отыскать)
Прекраснее и лучше всех!
Так странно ли, что угодил
Я сразу в плен, когда ушам
Сейчас же помогли глаза?
Да, Красотой я пойман был —
Подобно, ловит Красота
Взглянувших в зеркало Тигриц.

Как ни сильна Тигрицы злость,
Когда ловцы тигрят крадут,
А мимо зеркала пройти
Она не может, не взглянув
В него. А стоит посмотреть —
Тигрица, заморожена
Красой и правильностью форм,
И цветом огненным своим,
Не может взора оторвать
От отраженья. И стоит
Пред зеркалом, как будто столб —
И ей уже не до тигрят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.